

АБИССИНЕЦ 6

1890

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ • СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

Сергей Насоновский
Сергей Щербатых
Абиссинец 1890. Том 6
Серия «На краю Империи (С.
Насоновский, С. Щербатых)», книга 6

*<https://litres.ru/74350352>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году.

Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились.

Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века.

Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории.

Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ.

Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

Содержание

Глава 1. Долгожданный праздник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых Абиссинец 1890. Том 6

Глава 1. Долгожданный праздник

Проснулись еще затемно. Первой поднялась бабушка, Акулина Никитична. Я услышал, как она прошлепала за стеной, отодвинула печную заслонку и принялась разгребать золу. Через несколько минут затрещала лучина, следом занялись сухие поленья. Вскоре по курению начало распространяться тепло.

Олег спал по соседству, натянув одеяло до макушки. Наружу торчал только вихрастый затылок.

— Вставай, братец, — сказал я, толкнув его в плечо.

Он что-то недовольно пробормотал и укрылся одеялом полностью.

— Олег.

— Рано еще, Андрюха!

— Все уж поднялись.

— Не все.

— Ох, батя сейчас тебе такую побудку сыграет, будь здоров!

Одеяло немедленно откинулось.

— Встал я, встал, чего сразу...

За окном еще стояла предрассветная мгла. Мороз покрыл стекло узорами, и только возле самой рамы оставалась небольшая проталинка. Сквозь нее виднелись заваленный снегом двор и чернеющие столбы ворот.

Метель, бушевавшая несколько дней, наконец улеглась. Стояла такая тишина, что из конюшни доносилось мерное постукивание копыт.

Я сел и потянулся. После ледового побоища тело все еще ныло, особенно ушибленные ребра. Хорошо хоть ни кашля, ни жара. Значит, купание подо льдом обошлось без тяжелых последствий. А может, помогло китайское лечение. Чем меня растирали и чем пичкали, признаться, толком не помню, но старались они от души.

Олег натянул рубаху и прошлепал босиком в сени. Из горницы тут же донесся голос Акулины Никитичны:

— А ну не бегай по полу босой, окаянный! Простудиться в праздник надумал?

Олег подхватил сапоги и вернулся к кровати натягивать шаровары.

Я оделся, умылся ледяной водой и вышел в горницу.

К сочельнику курень готовили несколько дней. Половицы выскоблили аж до света, стены и потолочные балки обмели от пыли. На окнах висели новые занавески. Ситец для них Никитична приобрела еще летом на Козловской ярмарке, а

потом сама и пошила.

В красном углу перед образами горела лампада, рушники сменили на праздничные. Иконы отражали дрожащие блики огонька.

На столе лежала белая скатерть с красной вышивкой по краям. Пока ее накрыли другой холстиной, чтобы не запахнуть до вечерней трапезы. Вдоль стола уже стояли лавки. С первой звездой мы должны были собраться всей семьей, а на следующий день ожидались гости.

Пелагея Александровна заранее принесла несколько пушистых еловых лап. Одну закрепили над входной дверью, другие положили на полку возле образов. От нагретой хвои шел терпкий смолистый запах, смешиваясь с ароматом выпечки.

На подоконниках лежали пучки сухой соломы вперемешку со свежими еловыми ветками. Зеленая хвоя среди зимы выглядела особенно ярко. Олег еще вчера расставил между ними орехи и вырезанные из бумаги звездочки. Вышло немного кривовато, зато горница сразу стала наряднее и уютнее.

Пелагея Александровна хлопотала возле печи. На ней была темная шерстяная парочка, поверх которой она повязала чистый холщовый передник. Волосы убрала под простой платок, а праздничный, темно-синий с узором, пока держала на сундуке, чтобы не испачкать.

Выпечку, мясо и холодец для разговения она пригото-

ла заранее. Сегодня скоромного не касались. Круглики с мясом, жаркое и сваренные свиные ножки дожидались Рождества в холодных сеньях.

В печи томились совсем другие блюда: саломеха постная, тыквенная каша, грибы и горох.

Сейчас на завтрак были саломеха, квашеная капуста и хлеб. Возле самовара стоял небольшой горшочек с медом и орехами.

Строго полагалось не есть до первой звезды. Акулина Никитична так и вообще пила только воду, Степан Анисимович тоже к еде не притронулся. Но Олегу, Татьянке и мне Пелагея Александровна велела подкрепиться. После недавней передраги спорить с ней я и не собирался. Силы и вправду надо было набирать.

Татьянка, еще сонная, сидела возле печи и молча ковырялась в миске.

— Садитесь, пока горячее, — распорядилась Пелагея Александровна.

— Я не маленький, — возразил Олег. — Могу до звезды потерпеть.

— Видела я, как ты вчера возле пирогов носом водил. Сказано, садись поснедай!

— А бабушка вот и вовсе не ест.

— Чтобы до бабушкиных лет дожить, тебе есть надобно.

Олег сел рядом со мной и подвинул миску.

Я потянулся к хлебу.

— Тебе еще каши положить? — спросила Пелагея Александровна.

— Не надо, тетя Поля, благодарствую. И этого довольно. Она посмотрела на меня.

— Недавно из-подо льда вытащили, а он уже постничать удумал. Положу немного.

Спорить было бесполезно. Через минуту передо мной появилась небольшая миска тыквенной каши.

— С медом?

— Давайте.

Пелагея Александровна добавила ложку меда и подвинула миску ближе.

Акулина Никитична стояла у образов. Она поправила фитиль лампы, осторожно сняла нагар и перекрестилась. По случаю праздника бабушка надела темное платье и новую шерстяную шаль. На лавке рядом с рукавицами лежал ее потемневший от времени молитвослов.

— Олег, ты звезду вчера в часовню отнес? — спросила она.

— Отнес.

— Не поломали хоть?

— Нет, бабуля, все в порядке. Очень красивая получилась.

— Ну, после молитвы и погляжу.

Пелагея Александровна вынула из печи чугунок и переставила его на загнетку. Оттуда потянуло упаренной пшени-

цей, сушеными грибами и луком.

— Вечером узвар разогреть останется да сочиво вынуть,
— сказала она. — Рождественскую рыбу пока не трогать,
завтра ее подам. Олег, после часовни еще маленько дров
принеси из сарая.

— Принесу, бабушка.

Олег посмотрел на меня:

— Андрей, а страшно подо льдом было?

Пелагея Александровна строго глянула на сына.

— Не начинай за столом.

Из спальни вышел крестный.

Степан Анисимович облачился в парадный чекмень. Желтые выпушки на воротнике и обшлагах выделялись на темно-зеленом сукне. На груди блестели награды, которые он носил только по большим праздникам.

Крестный расчесал и слегка подкрутил усы. Пелагея Александровна подошла, разгладила складку на спине, поправила ворот и стряхнула с плеча прилипшую нитку.

— Вот теперь хорошо.

Степан Анисимович снял со стены шинель и надел поверх чекменя. Потом взял фуражку, посмотрел на нее и покачал головой.

— Морозит сегодня, будь здоров... — пробормотал он, отложил фуражку и потянулся за папахой.

Пока крестный проверял, как сидит на Олеге справа, я доел кашу. Пелагея Александровна убрала со стола, накрыла

оставшиеся блюда чистым полотенцем и пошла переодеваться.

Вернулась уже без передника, в темно-синем праздничном платке и длинной, крытой сукном шубе на лисьем меху. Акулине Никитичне Олег помог надеть ее полушубок.

Татьянку Пелагея Александровна укутала так, что из-под платка остались видны одни глаза.

В курене еще раз проверили печь. Пелагея Александровна прикрыла заслонку, убрала подальше лучину и осмотрела стол.

— Вроде ничего не забыли.

— Забыла, — сказала Акулина Никитична.

— Что?

— Сама-то перед образами и не перекрестилась.

Пелагея Александровна остановилась, всплеснула руками и подошла к красному углу. Первый удар колокола раздался над станицей, когда мы уже стояли перед образами. Звон отозвался в окнах и поплыл над засыпанными снегом улицами.

— Господи, благослови, — перекрестился Степан Анисимович.

Мы вслед за ним поклонились, а колокол ударил второй раз.

— Пора, — сказала Акулина Никитична.

Крестный открыл дверь в сени, и в курень ворвался морозный воздух.

На улице только начинало светать. После метели станицу было не узнать. Снегу намело почти вровень с крыльцом. Крыши домов укрылись высокими шапками, плетни местами исчезли совсем, а вдоль улицы успели пробить узкую дорожку.

Степан Анисимович пошел впереди. Рядом ступала Пелагея Александровна, ведя за руку Татьянку. Акулину Никитичну Олег поддерживал под локоть, чтобы бабушка не угодила в сугроб.

У поворота к площади показался Рыжий.

Семен тоже был в своем щегольском полушубке и высокой папахе из выдры. Увидев нас, ускорил шаг.

— Здорово ночевали!

— Слава Богу, Семен, — ответил крестный.

— С наступающим Рождеством вас, Степан Анисимович. Пелагея Александровна, Акулина Никитична.

— И тебя с праздником, Семен, — сказала Пелагея Александровна.

Рыжий дождался, пока старшие отойдут на несколько шагов, и пристроился рядом со мной.

— Смотрю, лицо у тебя больно сытое, Андрюха. Поел с утра небось? — спросил он вполголоса.

— Немного.

— А меня не накормили. Сказали, мол, до звезды потерпишь.

— Значит, ты лучше себя вел в этом году.

— При чем тут это?

— Нам, грешным, послабление полагается.

Семен рассмеялся.

— Вечером у кого будешь, у Саши или у крестного?

— У крестного.

— Ну тогда я тоже зайду.

— А что, Степан Анисимович тебе личное приглашение выписал? — спросил я с улыбкой.

— Дык, знамо дело, на Рождество гостей и без приглашения принимают.

— Да знаю я. Неужто думаешь, тебе кто-то откажет?

Он шагнул через перемет и недовольно цыкнул.

— Чего это ты? Совсем ослаб без утренней еды?

— Сам я виноват. Вчера меньше плясать надо было, аж ноги гудят.

От правления к конюшне прошел сменившийся караул. Казаки были при оружии, тепло одеты и с покрытыми инеем усами. Сочельник сочельником, а граница оставалась под присмотром. На тракты и Уссури выходили разъезды, возле складов вставали часовые, в правлении оставались дежурные.

Рыжий проводил их взглядом.

— М-да, вот у кого праздник так праздник.

К часовне сходилась вся станица. Мужчины были в парадных чекменях, поверх которых надели шинели или полшубки. Женщины пришли в лучших платках и шубейках.

Ребятишки толпились возле стены, где ожидала своего часа большая восьмиконечная звезда на длинном шесте.

Саша пришла вместе с бабой Серафимой и Нюркой. Я заметил ее еще издали.

На Саше была приталенная синяя бекеша с пушистой лисьей опушкой, теплая шерстяная шаль и темный платок с серебряной застежкой у самого горла. Из-за высокого мехового воротника раскрасневшиеся от мороза щеки казались особенно яркими.

Она увидела меня и улыбнулась.

— Здорово ночевал, Андрей.

— Слава Богу, Сашенька.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо.

Она поправляла мне воротник, когда над площадью раздался третий удар колокола.

Возле дверей появился часовенный служитель и пригласил людей входить. Степан Анисимович снял папаху первым.

Мы последовали за ним. Казаки снимали папахи еще на крыльце. Женщины поправляли платки, одергивали ребятишек и вытирали им носы. Самые маленькие, укутанные аж по самые глаза, стояли между взрослыми и таращились на горящие свечи.

Внутри было ненамного теплее, чем на улице. От множества людей по бревнам и морозным окнам поползла испари-

на, на ледяной пол все равно тянул холодом.

Мужчины встали справа, женщины слева. Саша стояла рядом с бабой Серафимой. Повернув голову ко мне, едва заметно улыбнулась и тут же опустила глаза. Нюрка, оказавшаяся позади нее, наоборот, посмотрела на Рыжего так выразительно, что тот сразу перестал зевать.

Возле икон уже ждал Денис Иванович Огородник. Сегодня он надел парадный чекмень с наградами. Стоял сам, хотя все же слегка опирался на посох.

Перед ним на аналое лежал Часослов.

Священника в Лончаково не было, поэтому утренние праздничные молитвы читали мирским чином. Денис Иванович порядок знал не хуже иных причетников.

Овсянников стоял в первом ряду вместе со всеми.

Огородник раскрыл книгу.

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

— Аминь, — отозвались станичники.

Часовенный служитель отвечал Огороднику и запевал положенное. Полной праздничной службы без священника не было. Прочли псалмы и молитвы, затем Денис Иванович поднял голову от книги:

— Рождество Твое, Христе Боже наш...

Часовня подхватила знакомые слова.

Я пел вместе со всеми и смотрел на окружающих. Крестный стоял у самого аналая, Овсянников склонил голову.

Рядом со мной молча шевелил губами Рыжий. Саша перекрестилась в женской половине. Нюрка что-то шепнула соседке, но тут же одернулась, когда баба Серафима зыркнула на нее строгим взглядом.

Когда чтение закончилось, первыми наружу повалили ребяташки.

Олег забрал звезду, но славить Христа было еще рано. До вечера оставалось полдня.

Звезду сколотили из тонких реек, обклеили разноцветной бумагой и слюдой, а в середине поставили маленькую лампадку. Верхний луч слегка перекосился, зато длинные бумажные ленты выглядели очень нарядно.

До вечера мы разошлись по домам.

Когда над станицей зажглась первая звезда, крестный снова собрал семью перед образами. После молитвы сели за постный стол: сочиво, узвар, грибы, горох.

К ночи улеглись пораньше.

А на рассвете, уже в само Рождество, возле часовни собрались христославы. Олег держал звезду, рядом толпилось еще десятка два мальчишек и девчонок помладше.

— Андрей! — окликнул меня Олег. — С нами пойдешь Христа славить.

— Так я вроде уже не ребенок.

— Большим тоже можно, коли осторожно!

— Вот Семена тогда и берите. Он голосистый.

Рыжий попытался спрятаться за моей спиной, но тщетно.

Нюрка уже ухватила его за рукав.

— Иди-иди. Вчера песни играл на всю станицу, сегодня хоть с пользой покричишь.

— Я казак в расцвете сил, а не малолеток какой! — упирался Семен.

— Думаешь, что рыжим да усатым гостинцев не подадут? Последний довод оказался решающим.

Первый же хозяин одарил славельщиков горячими пирожками, кусками сахара и связкой сушеной рыбы. После этого Семен сам отнял у Олега мешок и объявил, что малолетки совершенно не умеют правильно принимать подношения.

Так мы прошли почти половину станицы.

Возле каждого дома останавливались, звезда поднималась выше, и ребятня заводила тропарь. Иногда к ним присоединялись хозяева. Где-то нас одаривали пирогами, где-то пряниками, сушеными ягодами, конфетами или медными монетками. Одна хозяйка вынесла здоровый кусок запеченного мяса, завернутый в чистую тряпицу.

Пройдя Кубанскую улицу, мы свернули к китайской слободке.

За прошедшие месяцы семь семейств заметно обжились. Возле фанз появились сараи и плетни, над крышами тянулся дым, вдоль утоптаных дорожек лежали аккуратно сложенные дрова.

Осенью эти люди всем миром вышли к станичному правлению и попросили российского подданства.

Теперь все семь семейств впервые встречали Рождество вместе со станицей, будучи уже православными.

Лешка Ли ожидал нас у крайней фанзы. Поверх синей куртки на груди у него висел медный крестик на шнурке. Рядом стояла его жена Мария. Она, видать, надела лучшую одежду, а голову покрыла темным платком, переняв этот обычай у казачек.

За ними собрались Николай Го, Василий Ван Цзу, Михаил Чен и остальные жители поселения. Дети жались к взрослым и с любопытством разглядывали рождественскую звезду. Взрослых и ребятишек вместе набралось больше двух десятков.

Олег поднял звезду выше.

Дети запели:

— Рождество Твое, Христе Боже наш...

Китайцы слушали внимательно. Кто-то уже успел выучить слова и подпевал на ломаном русском. Остальные крестились, поглядывая на Лешку и повторяя за ним движения. Некоторые пока путались: кто-то клал руку не на то плечо, кто-то запаздывал с поклоном.

Для них это Рождество было первым. Ничего, научатся.

Когда славление закончилось, Мария вынесла большое блюдо с горячими пельменями. Следом другие женщины принесли лепешки, тушеную свинину с грибами и несколько чашек густого темного соуса.

Семен сразу оживился.

— Вот это я понимаю, православный люд.

Лешка рассмеялся и протянул Рыжему пельмень.

— Бери, Семен. Мария готовить. Кабан, грибы, чеснок.

Семен проглотил его почти целиком, обжегся и принялся дышать ртом. Однако тут же выхватил из блюда второй.

Тем временем Василий Ван Цзу сказал что-то одному из молодых китайцев. Тот поставил на землю деревянную коробку и вытащил длинную связку маленьких трубочек, обернутых красной бумагой.

Я насторожился.

— Это еще что?

— Злые духи, — пояснил Алексей. — Василий говорит: большой праздник, плохой дух гнать надо.

— А молитвы вам для этого мало? — спросил я.

Лешка улыбнулся.

— Молитва хорошо, но хлопушки тоже хорошо.

Связку подвесили к длинному шесту. Молодой китаец поднес к фитилю лучину и сразу отскочил.

Первый хлопок прозвучал неожиданно громко.

Следом вся связка затрещала, будто разом выстрелили несколько ружей. Я пригнулся, рука сама легла на кобуру. Рыжий шарахнулся в сторону, выронил надкушенный пельмень и спрятался за поленницей.

А ребяташки завизжали от восторга.

Над двором поплыл дым, красные бумажные клочки рассыпались по снегу.

— Предупреждать надо! — заорал Семен, выглядывая из-за дров.

Василий широко улыбнулся и прикрыл ладонями уши.

Лешка перевел:

— Он предупреждал. Показал ведь, что уши закрывать надо.

— Я ж думал, он уши отморозил!

— Теперь злой дух ушел, — добавил Алексей, — вылезай Сима!

Дети тут же потребовали продолжения.

На треск из соседних дворов стали выходить казаки. Показался и Овсянников.

— Что здесь за пальба?

— Новые христиане нечистую силу гоняют, — объяснил я.

Глеб Маркелович посмотрел на дым, красные бумажки и довольных ребятишек.

— Хлопушки жгёте? Может, и вправду нечистая сила от границы отпрянет. А вот из ружей стрелять не смей.

— А если черти хлопушек не испугаются? — спросил Олег.

Овсянников кивнул на Семена:

— Тогда Бирюкова пошлем. От него любая нечисть бежит.

Все засмеялись. Даже китайцы, не разобравшие слов, подхватили общий смех. Рыжий наконец выбрался из-за полен-

ницы. Мария протянула ему еще один пельмень.

— Вот, Сима. Этот не роняй.

К полудню Рождества по всей станице пахло пирогами. После долгого поста хозяйки словно решили за один день накормить всех домашних и гостей про запас, аж на год вперед.

Разговляться мы собрались в курене крестного.

Акулина Никитична распоряжалась рассадкой и следила, чтобы на столе всегда стояли полные блюда.

Степан Анисимович сидел во главе стола. Рядом устроились Денис Иванович Огородник и Овсянников. Пригласили бабу Серафиму, Сашу и Нюрку. Олег сновал между столом и печью, пока мать не усадила его на место. Татьяна уже сидела рядом и с важным видом следила за старшим братом.

Саша помогала Пелагее Александровне носить блюда. Нюрка занималась тем же, хотя подозрительно часто оказывалась возле той стороны стола, где сидел Рыжий.

Я устроился рядом с Сашей.

— Доедай, — сказала она, подкладывая мне мяса. — Весь исхудал.

— Куда уж больше?

— Вон, гляди, Семен не спрашивает, а ест.

— У Семена в брюхе, поди, отдельное хранилище имеется. Он как верблюд, может впрок есть.

Рыжий поднял голову:

— Я все слышу, так-то.

Саша улыбнулась и снова подвинула ко мне блюдо с мя-

сом.

Разговор перескакивал с ледового побоища на китайские хлопушки, с хлопушек на артистов и недавнюю метель.

Олимпиада Васильевна вместе с гитаристом и Женей тоже собиралась в дорогу. Ей и без того предстояло явиться на рождественский прием в Хабаровке с опозданием, поэтому теперь все ждали, когда расчистят зимник.

Затем разговор неизбежно дошел до нашей свадьбы.

Крестный обратился ко мне:

— Как святки пройдут, отправишься к отцу Филарету. Пушай уж назначает день.

— Только не шибко спешите, — сказала Пелагея Александровна. — К свадьбе-то еще подготовиться надо.

— А когда готовиться? — спросила Саша. — У меня еще не все дошито.

— На святках за иглу не садись, не положено, — предупредила баба Серафима.

— Так мне только подол закончить...

Баба Серафима посмотрела на нее так, словно удивилась подобному незнанию.

— Кто на святках шьет, у того скотина слепнет.

Саша посмотрела на меня.

— Ты в такое веришь?

— Нет, но рисковать хозяйством перед свадьбой не след.

— Правильно говоришь, Андрюша, — одобрила баба Серафима.

Так начались святки.

Потянулась целая череда гостей, еды, песен и морозных вечеров. Казалось, Лончаково решило отоспаться и отгуляться за весь минувший год.

Без крайней нужды в праздники старались не работать. Женщины убрали прялки и шитье, приготовительный разряд освободили от учения. Даже охотники оставались в станице. Проливать кровь на святках считалось дурным делом.

Но совсем без работы не обходилось.

Печи сами себя не затопят, скотина церковных запретов не понимает: кормить и обихаживать ее надо каждый день. Караулы сменялись, разъезды выходили на реку.

Уже на второй день Рождества я заглянул в конюшню проведать Беркута. Следом появилась Саша.

— Попался.

— На чем?

— Работает.

— Так это не работа.

Я держал ведро, а Беркут пил, шевеля губами.

— А что?

— Уход за боевым товарищем.

Саша подошла ближе и протянула коню горбушку. Беркут осторожно взял угощение с ладони.

— Зимой без дела стоит, а ест как два быка.

— Не без дела. После ледяного купания ему тоже окле-
маться надо.

Она погладила Беркута по шее, а тот тихо фыркнул.

— После свадьбы его куда поставим? — спросила Саша.

— Здесь оставишь?

— Сначала конюшню возле куреня надо справить. Так что пока здесь постоит.

— И сарай еще один нужен, и хлев, и дровник.

— Построим, Саша. Дай время.

К полудню зимник наконец расчистили.

Олимпиада Васильевна с гитаристом и Женей продолжили путь в Хабаровку. Провожала их почти вся станица. Овсянников выделил конвой до Венюково и подготовил бумагу, чтобы венюковские казаки приняли артистов под охрану и проводили дальше, до Казакевичевой. На почтовых станциях их должны были принимать и размещать без проволочек.

Певица обещала еще когда-нибудь завернуть в Лончаково, но по ее голосу было понятно: сама не знала, случится ли такое.

Женя перед отъездом долго жал Олегу руку и обещал написать новую песню. Потом полез в сани, устроился между матерью и гитаристом и все оглядывался на станицу, пока они не скрылись за поворотом.

К концу недели пришла весть от Ильки.

Из гасяна явился Сула, гольд-проводник. Он привез короткую записку, продиктованную другом.

Жар у побратима больше не поднимался, рана затягивалась хорошо. Пасса уже разрешал ему понемногу ходить

по гасяну в сопровождении Анды. Ильяка поздравлял нас с праздником.

Новость эта была, пожалуй, лучшим подарком, полученным мной на Рождество.

Вечерами начинались игранчики. Молодежь собиралась то в большой горнице гостевого дома, то в куренях. Сашка Меренский играл на тальянке, и после первых же переливов под окнами собиралось много народу.

На одни такие посиделки ближе к ночи заявились ряженные.

Впереди шел медведь в вывернутом тулупе, за ним прыгала коза с деревянными рогами. Следом ковыляла горбатая старуха с берестяными зубами, а замыкал шествие черт с длинным красным языком.

Черт оказался чересчур высоким и широкоплечим.

— Моренченко, — сразу определил я.

— Почему Моренченко? — удивился тот из-под маски.

— Уж больно здоровый для уссурийского черта. Да и лампасы красные, кубанские небось!

— А может, я настоящий черт на государственной службе?

Коза заблеяла и попыталась забодать Овсянникова. Атаман терпеливо отвел рога рукой.

А вот когда ряженные разыграли станичный сход, Глебу Маркеловичу стало уже не до улыбки.

Медведь сел за стол, ударил деревянной ложкой и басом

объявил:

— Порядку в станице нынче нет. Потому всех виноватых назначаю невиноватыми, а невиноватых пошлю снег чистить.

Черт, изображавший писаря, подал ему лист бумаги вверх ногами:

— Тут донесение, ваше благородие.

— От кого?

— От китайского императора. Жалуется, что казаки у него хунхузов без спросу бьют.

Народ загоготал.

Овсянников досмотрел представление до конца, затем поднялся.

— После праздников всю эту нечисть отправлю конюшни чистить.

— Так нельзя! — крикнул кто-то из ряженных.

— На святках работать грех!

— А вы не работать будете, а грехи отрабатывать.

Праздники катились своим чередом, и за игранчиками незаметно подошло первое января.

Утром на Новый год станичные мальчишки обсыпали меня овсом с ног до головы, посевали по углам куреня и звонко желали, чтобы наступивший год оказался куда богаче прежнего.

Я вытряхнул овес из-за воротника и задумался.

Наступил 1890 год.

В этом году должна состояться наша с Сашей свадьба. Ильяка, Бог даст, окончательно оправится от раны. Немало дел предстоит и по хозяйству в собственном курене.

А где-то за тысячи верст отсюда, в Петербурге, уже решают, как и когда начинать ту самую большую железную дорогу, которая однажды пройдет через весь наш край.

Скучать в 1890-м, похоже, не придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.